

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 110–122.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 2. P. 110–122.

Научная статья / Original article

УДК 82.091

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-110-122

КОНЦЕПТ ОДИНОЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ПАРИЖСКИХ ЭМИГРАНТОВ ЛЬВА ШЕСТОВА И ГЕОРГИЯ АДАМОВИЧА

Екатерина Андреевна Гуреева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
egureeva@hse.ru

 Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концепта одиночества в рамках творчества и косвенного диалога парижских эмигрантов и интеллектуалов философа Льва Исааковича Шестова и поэта Георгия Викторовича Адамовича. Последовательное раскрытие темы через предшествующую культурную традицию (одиночество у Сёрена Кьеркегора, Федора Достоевского, Льва Толстого), другие мотивы и понятия (духовность, молчание, смерть, отчаяние), различные репрезентанты позволяют рассмотреть и проанализировать индивидуальные картины миров философа и поэта, отраженные в их творчестве, связать их с эмигрантским опытом и дать дефиницию частным понятиям одиночества как последним словам философии и закона на земле, как разрыву индивида с Другими и как последствиям разрыва с Родиной.

© Гуреева Е. А., 2023

Ключевые слова: Л. И. Шестов, Г. В. Адамович, одиночество, эмиграция, С. Кьеркегор, экзистенциализм

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Гуреева Е. А. Концепт одиночества в творчестве парижских эмигрантов Льва Шестова и Георгия Адамовича // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2023. Т. 6, № 2. С. 110–122.
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-110-122.

Literature. Philosophy. Religion

THE CONCEPT OF LONELINESS IN THE WORK OF PARISIAN EMIGRANTS
LEV SHESTOV AND GEORGY ADAMOVICH

Ekaterina A. Gureeva

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, egureeva@hse.ru

Abstract. The article deals with the concept of loneliness within the framework of the work and indirect dialogue of Parisian emigrants, philosopher Lev Shestov and poet Georgy Adamovich. Consistently revealing the theme through the preceding cultural tradition (solitude in Søren Kierkegaard, Fyodor Dostoevsky, Leo Tolstoy), other motifs and concepts (spirituality, silence, death, despair), various representations will allow us to examine and analyse the individual pictures of the philosopher’s and poet’s worlds reflected in their work, to connect them with the emigration experience and to define the particular notions of “loneliness” as the last words of philosophy and law on earth, as the individual’s break with “others” and as the consequence of a break with the homeland.

Keywords: L. I. Shestov, G. V. Adamovich, loneliness, emigration, S. Kierkegaard, existentialism

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Gureeva, E. A. (2023) “The concept of loneliness in the work of Parisian emigrants Lev Shestov and Georgy Adamovich”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(2), pp. 110–122. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-110-122.

Мне совершенно все равно —
Где — совершенно одинокой
Быть...

М. И. Цветаева

Когда мы в Россию вернемся... но снегом ее замело.

Г. В. Адамович

В первую очередь необходимо оговориться о рамках исследования в разных его аспектах. Для анализа понятия «одиночество» используются концептуальный и контекстуальный анализы. Контекстуальное рассмотрение необходимо здесь в первую очередь для раскрытия экзистенциальной составляющей концепта, потому как рассматриваемые авторы (Кьеркегор, Достоевский и Толстой) не связаны с конкретным фактом эмиграции. Перечисленные авторы имели важное значение в формировании культурного багажа Шестова и Адамовича, в чьих работах были критически и эстетически рассмотрены и переработаны некоторые концепции предыдущей философско-литературной традиции. Это же является и общей смысловой точкой, в которой пересекается творчество Адамовича и Шестова, не вступавших в прямой диалог, но читавших и анализировавших одних и тех же авторов.

Онтологический, как положение человека в пространстве и времени, «выброшенность в бытие», и эстетический подходы позволят рассмотреть одиночество не только в эмигрантской оптике, как тоску по Родине, но и в экзистенциальной — в русле Достоевского и Толстого.

Метафорически объясняя основную сущность одиночества у Шестова, Адамовича и переработанных ими концепций одиночества предшествующей традиции, можно сказать, что они стояли на берегу океана, в котором исчез материк, и думали, что если и вернуться домой, то прежнего своего «дома» и родины своего духа уже не найдут. При этом в чужой стране они останутся один на один с собой, судьбой и историей, переживая разрыв с «другими» и стараясь преодолеть его с помощью творчества и Бога.

Концепции авторов будут рассмотрены в хронологическом порядке с целью показать преемственность идей и их взаимосвязь.

Начать рассмотрение философии одиночества следует с датского философа Сёрена Кьеркегора и сконцентрироваться в рамках данного исследования на двух работах: трактате «Или-или» и работе «Болезнь к смерти», в которых наиболее ярко проявляется специфика одиночества.

С одной стороны, Кьеркегор видел одиночество как то, что может быть преодолено лишь в исключительном случае, но может быть принято и использовано для личного роста. Поэтому необходима потребность в нем, и эта потребность служит доказательством духовности и мерой последней [Кьеркегор, 2010, с. 340]. Он считал, что в одиночестве мы можем обрести свободу от внешних влияний и оценок и сосредоточиться на нашем собственном существовании и ценностях [Там же, с. 72].

С другой стороны, Кьеркегор пишет о том, что одиночество может также привести к отчаянию и безысходности. В «Болезни к смерти» автор говорит о том, что существует три вида отчаяния: отчаяние оттого, что человек не осознает своего «я» [Там же, с. 321], отчаяние-слабость оттого, что он не хочет быть самим собой [Там же, с. 323–325], и отчаяние-вызов желающего быть собой и сознающего свое «я» [Там же, с. 342]. Он утверждает, что все эти формы отчаяния коренятся в фундаментальном человеческом опыте одиночества. Первая форма отчаяния возникает из-за чувства разрыва связи с самим собой, ощущения того, что человек не знает себя по-настоящему или не осознает свою идентичность. Вторая форма возникает из-за страха полностью принять собственную идентичность и экзистенциальную ответственность, которая с ней связана. Наша свобода и ответственность требуют от нас постоянного поиска и развития собственной истины и значимости.

В «Или-или» одиночество появляется уже на первой стадии человеческого бытия — эстетической — и усиливается на последующих. Эта стадия характеризуется в первую очередь отношениями личности с миром. Они осуществляются через экзистенциальную ситуацию страха, демонической тревоги, выдающей склонность ко злу, выраженную в меланхолии эстетика, через «отчаяние возможного» [Гройс, 2021, с. 29]. Эстетическая жизнь, как ее представляет Кьеркегор, характеризуется сосредоточенностью на личном удовольствии и избегании боли. Ее можно соотнести с отчаянием-слабостью, упоминавшимся ранее. Она коренится в чувстве индивидуализма и стремлении к мгновенному удовлетворению [Кьеркегор, 2014, с. 56, 122–123]. Эстет руководствуется собственными желаниями и не испытывает чувства ответственности перед другими, что приводит к чувству изоляции и оторванности от общества, выдвиганию потребности в духовном одиночестве и духовном как таковом.

Вторая стадия — этическая, которая соответствует зрелому возрасту — периоду, когда осознаются и укрепляются моральные и нравственные ценности. Данная стадия характеризуется отношением человека с самим собой, которое осуществляется через экзистенциальную ситуацию отчаяния, через отчаяние-вызов. Именно на этой стадии проявляется потребность в одиночестве, поиск его для отдохновения души [Там же, с. 206], примирение с жизнью и Другими.

Третья стадия — религиозная — «есть не что иное, как новое истолкование этической позиции» [Ле Блан, 2018, с. 115–118]. Эта стадия соответствует зрелости и старости — периоду, в который человек задумывается о смерти, смысле жизни и Боге. Религиозная стадия характеризуется отношением индивида с Богом, которое осуществляется через экзистенциальную ситуацию парадокса, через «абсолютное отчаяние». Тогда одиночество можно преодолеть через личные отношения с Богом. В религиозном существовании человек остается в полном одиночестве перед лицом небытия, и здесь ему необходимо сделать выбор Истины, себя и Бога, не опираясь на Других [Кьеркегор, 2014, с. 748]. Это одиночество сопровождается молчанием [Кьеркегор, 2010, с. 311].

Так, у Кьеркегора мы находим разные способы переосмысления одиночества, стремление воспринимать его целокупно. Оно может быть преодолено, может приводить к отчаянию и безысходности, может быть использовано для личностного развития, являясь неотъемлемой частью как каждой из описанных Кьеркегором стадий, так и жизни в целом. Если попытаться выразить одиночество у Кьеркегора через другие репрезентанты и концепты, то можно сказать, что оно выражается через духовность, отчаяние, свободу и молчание.

Близким Кьеркегору оказывается Ф. М. Достоевский, как в контексте работы Шестова, так и в контексте кризиса рационализма классической философии. Они очень близки и выразили, пусть несколько отличным друг от друга образом, основания новой эстетики, онтологии, сосредоточенных рядом с экзистенциальной проблематикой поиска основ человеческого и личностного бытия.

Концепт одиночества рассредоточен у Достоевского среди всех произведений — одинокие и отвергнутые герои (Соня Мармеладова, князь Мышкин), одинокие и отвергающие герои (Раскольников, Ставрогин), герои, осознающие свою отделенность от общества (человек из подполья). Одиночество было и в жизни самого автора, осознававшего свою инаковость, разрыв с «родиной», искавшего выход из одиночества и тоски, а также истины в Христе [Достоевский, 1985, с. 176].

Подобно Кьеркегору, Достоевский считает, что быть в одиночестве и «быть одному» — потребность [Там же, с. 177]. Преодолеть катастрофическую стадию,

разрыв с собой и с Другими можно через личные отношения с Богом или через акты сострадания и любви к Другим, а выход к главной истине бытия возможен, выражаясь словами Розанова, только через преодоление этого глубочайшего мрака [Розанов, 1996, с. 280].

«До одичалости одинокий» человек из подполья [Достоевский, 1973, с. 124] находится в психологических границах между Другими и собой, отчаивается и не желает быть собой, порывает со своим прошлым и будущим и осознает «бессмыслицу существования последнего человека» [Шестов, 1903, с. 55]. Достоевский изолирует своих героев, дарует им одиночество, чтобы спасти от подполья, в котором обречены жить все Другие, где «все видят единственно действительный и даже единственно возможный мир, т. е. мир, оправданный разумом» [Шестов, 1993, с. 36]. Он дает им свободу выбора, свободу веры. Другие мотивы, связанные с одиночеством у Достоевского, можно выразить в понятиях духовности и потребности, инаковости и свободы.

В контексте исследования одиночества у Шестова и Адамовича необходимо упомянуть и о философии Льва Толстого, найти точки пересечения и расхождения. Основой одиночества для Толстого становится эгоистическое начало, которое разрушает духовно-нравственную сторону человека и способствует появлению зла в мире. Это отчасти противоречит концепции непротivления злу насилием, добра и любви Толстого, которые усиливают в человеке социальное начало и позволяют противостоять злу «всем обществом, а не одиночными людьми» [Толстой, 1956, с. 326]. При этом необходима одинокая внутренняя работа с Богом и усмирение животной эгоистичности в себе, после которой добродетельность в обществе только и возможна [Там же, с. 395].

В «Исповеди» Толстой приравнивает к чувству страха, сиротливости и одиночества среди всего чужого искание Бога — такого хода мысли, при котором «конечное мое существование получило бы смысл в бесконечном» [Толстой, 1957, с. 43–44]. «Смерть Ивана Ильича» демонстрирует это чувство, этот поиск подлинного и неподлинного, экзистенциальный опыт пограничной ситуации, беспочвенность, говоря словами Шестова, ужасное одиночество, «полнее которого не могло быть нигде: ни на дне моря, ни в земле» [Толстой, 1936, с. 108].

Описанные Толстым отчуждение, заброшенность, трагический абсурд, охватывающие человека на пороге смерти, станут предметом исследования философов-экзистенциалистов. Например, Золтан Хайнади отмечает, что концепция «бытия-к-смерти» Мартина Хайдеггера во многом следует за рассуждениями о смерти в повести Толстого [Хайнади, 2009, с. 306].

Одиночество у Толстого в первую очередь связано с нецерковной верой в Христа, поиском Добра и смысла, оно есть необходимый переходный этап от

эгоизма к альтруизму. Понимание философских оснований концепта одиночества у Толстого оказывается ценным для рассмотрения понятия одиночества у Шестова. Без использования концептуализации одиночества у Толстого рассмотрение идей Шестова оказывается неполным и обрывочным.

Поиск Добра и смысла у Толстого оказывается первой ступенью в понимании одиночества Шестовым. Он формулирует свою концепцию одиночества как антитезис к идее Толстого: в одиночестве, можно сказать, не остается пространства для его преодоления, оно оказывается вечным спутником человека.

Шестов связывает одиночество с индивидуальным богоискательством, оторванным от Других, с тем, что выше сострадания, выше Добра, отвлекающего от истины. Он идет вразрез с толстовской и ницшеанской концепциями, описанными в книге «Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь)», присоединяясь к Достоевскому и его «Запискам из подполья», в которых гармония, идея, любовь или прощение не могут оправдать бессмыслицу в судьбе отдельных людей [Шестов, 1903, с. 120].

Он продолжает эту мысль в «Апофеозе беспочвенности», предлагая рассмотреть ее в эстетическом плане на примере драмы будущего: у героя драмы нет настоящего, он предоставлен лишь сам себе, возвращение к людям и принятым общественным идеалам невозможно, и единственный его путь — «вперед к одиночеству, абсолютному одиночеству» [Шестов, 1996, с. 65], в котором несомненно найдется место злу, необходимому фактору спасения [Ерофеев, 1975, с. 160].

Одиночество у Шестова идет рука об руку с трагическим мироощущением, с философией трагедии, подлинной философией [Шестов, 1903, с. 245], последним словом, последним законом и условием приближения к последней тайне которого и является одиночество [Шестов, 1996, с. 45, 60, 284], иллюстрирующее последствие опыта свободы личности. Эти трагические пограничные состояния сумасшествия помогают человеку, в контексте философии Шестова, перейти в неиспорченный разумом мир, мир абсурдистский, где Другого можно понять только через собственный опыт. Об этом же он пишет в контексте критического рассмотрения творчества Вяч. Иванова, с опорой на философию Плотина и его *Nomo Solus* [Шестов, 1923]. В этой точке сходятся и Ницше, и Толстой, и Достоевский. В этой безнадежности только и возможна философия трагедии [Иванов-Разумник, 2016, с. 221].

Одиночество у Шестова есть трагизм в высшей его степени, тоска, духовность и беспочвенность, выраженные в топосах пустоты и пустыни. Этот концепт оказывается средством к переходу в мир, не оправданный разумом, к нахождению Истины, целью существования обычного человека для осмысления философии трагедии и жизни.

В то время как одиночество Шестова оказывается внутренним, интимным переживанием, для Адамовича оно становится как бы сопутствующим внешним обстоятельствам и неразрывно связано с переживанием не-родного, инакового.

Не погружаясь в детали весьма насыщенной биографии Адамовича, нужно упомянуть три пункта, которые будут важны в рамках этого исследования при анализе работ Георгия Викторовича непосредственно: влияние поэзии символизма (И. Анненский¹ в его безнадежности и тоске, А. Блок) и акмеизма (Н. Гумилев, А. Ахматова, от которых он перенял «тусклость красок, некоторую приглушенность тона и общую настороженность, притихшую сдержанность» [Адамович, 2000, с. 212–213]); влияние экзистенциализма (Достоевский и Толстой, как сами по себе, так и сквозь оптику Л. Шестова и А. Камю); «парижская нота» и эмиграция (та приглушенность поэзии, разорванный синтаксис, распад целостности личности [Бем, 1938] и ее одиночество).

О влиянии идей экзистенциализма на Адамовича стоит упомянуть подробнее. Можно сказать, что идеи и проблематика «парижской ноты», взгляд на философию поэзии и смысл литературы пересекаются у него с экзистенциальными идеями Шестова. Можно сказать, что у них на двоих одна творческая цель — философствовать и писать всем своим существом, оставаясь за рамками систем².

В основной работе Адамовича «Одиночество и свобода» одиночество можно разделить на четыре типа: одиночество эмигранта в связи с разрывом и отсутствием диалога с домом, связанное с отчаянием и молчанием; одиночество эмигранта в связи с безразличием чужеземцев-французов [Адамович, 2002, с. 11]; одиночество как экзистенциальное состояние сопровождаемое тоской и страхом [Там же, с. 25]; одиночество человека и эмигранта, влекущее за собой молчание [Там же, с. 29].

По мнению Адамовича, русская поэзия эмиграции должна сфокусироваться на трагических переживаниях «эпохи-экзамена, эпохи-испытания» [Там же, с. 20], связанных с утратой последних истин, ощущением одиночества, отчаяния и близко прошедшей смерти. Человек в эмиграции оказался вне общества, без всякой внешней поддержки, вынужден был рассчитывать только на себя — «голый человек на голой земле» — или на Бога.

¹ «Анненский — это даже не пятый акт человеческой драмы, а растерянный шепот перед спустившимся занавесом, когда остается только идти домой, а дома, в сущности, никакого нет» [Адамович, 2000, с. 209]

² Подробный анализ отношения Георгия Адамовича ко Льву Шестову см. в [Коростелев, 2019].

Указывая на то, что человеку всегда страшно быть одному, оставаться один на один с судьбой и историей, теряя веру в утешение [Там же, с. 25], Адамович вслед за Кьеркегором и Достоевским признает, что одиночество тем не менее есть потребность. Нужно его искать и в нем находить связи личности с миром, с будущим, возвращаться к формуле «все за всех, каждый сам за себя» [Там же, с. 36], задаваться вопросами о нашей сущности, о нашем пути, о нашей цели и детерминированности, веря, что в одиночестве связь эта окажется прочнее и вернее, чем в «рассеянном житейском общении» [Адамович, 2000, с. 127]. В «Комментариях» он пишет об одиночестве Иисуса, лишённого мира, подчиненного ему; об одиночестве Толстого, вставшего на путь небытия и отвержения Бога; об отчужденности Чаадаева, апологета сумасшествия; об одиночестве, смирении и забвении Тургенева, самого тихого русского писателя [Там же, с. 16, 24, 89, 163]; не упоминая об их отчаянии, связанном с этим, наоборот, иллюстрируя выбор, свободу и духовность в самом общем их смысле.

«Горькая сладость одиночества», вывезенная эмигрантами из России [Адамович, 2002, с. 292], родилась из ощущения отчужденности общества в эпоху революций и Первой мировой войны, из личных экзистенциальных переживаний и семейных трагедий, из страха перед будущим и выбора покинуть Советскую Россию, из ощущения беспочвенности и пограничных ситуаций.

Одиночество у Адамовича является, наверное, неочевидно сложным концептом: он формируется условиями и средой, но также и вызывает потребность в самом себе. Такая концептуализация позволяет Адамовичу наиболее отчетливо передать чувства отчаяния и утраты, невозможные без Другого и самого себя.

Приводя исследование к общему значению, можно сказать, что для всех рассмотренных авторов, но в первую очередь для Шестова и Адамовича, одиночество является потребностью и неизбежным этапом жизни человека, связанным с разрывом с самим собой, с обществом, с поиском Бога и философскими размышлениями о сущности мира и его составляющих. Одиночество у Шестова и Адамовича связано в первую очередь с тоской, трагизмом, поиском духовности и свободным выбором человека. По-настоящему на это ощущение повлияла эмиграция, усилив чувство разрозненности, эсхатологическое мироощущение и выдвигание индивидуального самосознания.

Список источников

Адамович Г. В. Комментарии / сост., послесл., примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2000. 757 с.

Адамович Г. В. Одиночество и свобода / сост., послесл., примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. 476 с.

Адамович Г. В. Собрание сочинений. Стихи, проза, переводы. СПб.: Алетейя, 1999. 560 с.

Бем А. Поэзия Л. Червинской // Меч. 1938. 1 мая. № 17 (203).

Гройс Б. Введение в антифилософию / пер. с нем. и англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 224 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1973. Т. 5: Повести и рассказы. 1862–1866; Игрок. 407 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1975. Т. 28, кн. 1: Письма, 1832–1859. 572 с.

Ерофеев В. «Остается одно: произвол» (Философия одиночества и литературно-эстетическое кредо Льва Шестова) // Вопросы литературы. 1975. № 10. С. 153–188.

Иванов-Разумник Р. В. Лев Шестов // Л. И. Шестов: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, комментарии Т. Г. Щедриной. СПб.: РХГА, 2016. С. 175–232.

Коростелев О. А. «Он мог бы стать подлинным украшением нашей критики»: Георгий Адамович о Льве Шестове // «Сложная целостность» литературы. Исследования и публикации. К юбилею В. А. Келдыша / отв. ред. В. В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 414–455.

Кьеркегор С. Или-или. Фрагмент из жизни / пер. с дат. Н. В. Исаевой и С. А. Исаева. М.: Культурная революция, 2014. 776 с.

Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой и С. А. Исаева. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.

Ле Блан Ш. Кьеркегор / пер. с фр. В. М. Липки. М.: Рипол классик, 2018. 256 с.

Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. 702 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1957. Т. 23: Произведения 1879–1884. 613 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1936. Т. 26: Произведения 1885–1889. 951 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1956. Т. 45: Путь жизни. 603 с.

Хайнади З. Искусство и метафизика смерти. Лев Толстой и Мартин Хайдеггер: философско-поэтический опыт сравнительного изучения // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 304–332.

Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2: Стихотворения. Переводы. 592 с.

Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности // Шестов Л. И. Сочинения: в 2 т. Томск: «Водолей», 1996. Т. 2. С. 3–178.

Шестов Л. И. Власть ключей. Берлин: Скифы, 1923. 279 с.

Шестов Л. И. Достоевский и Ницше (философия трагедии). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 258 с.

Шестов Л. И. Сочинения: в 2 томах. М.: Наука, 1993. Т. 2: На весах Иова. 561 с.

Шестов Л. И. *Sola fide* — только верую. Греческая и средневековая философия. Париж: YMCA-Press, 1966. 294 с.

References

Adamovich, G. V. (2000) *Kommentarii [Commentaries]*. St. Petersburg: Aleteiya.

Adamovich, G. V. (2002) *Odinochestvo i Svoboda [Loneliness and freedom]*. St. Petersburg: Aleteiya.

Adamovich, G. V. (1999) *Sobranie sochinenii. Stikhi, proza, perevody [Collected Works. Poems, prose, translations]*. St. Petersburg: Aleteiya.

Bem, A. (1938) “Poeziya L. Chervinskoi” [“Poetry by L. Chervinskaya”], *Mech [The Sword]*, 17 (203), 1 May.

Dostoevskii, F. M. (1973) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 5: Povesti i rasskazy. 1862–1866; Igrok [Collected Works: 30 vols. Vol. 5: Novels and stories. 1862–1866; The Gambler]*. Leningrad: “Nauka” Publ.

Dostoevskii, F. M. (1975) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 28, kn. 1: Pis'ma, 1832–1859 [Collected Works: 30 vols. Vol. 28, book 1: Letters, 1832–1859]*. Leningrad: “Nauka” Publ.

Groys, B. (2021) *Vvedenie v antifilosofiyu [Introduction to antiphilosophy]*. Moscow: Ad Marginem Press.

Ivanov-Razumnik, R. V. (2016) “Lev Shestov”, in Shchedrina T. G. (ed.) *Lev Shestov: pro et contra, antologiya [Lev Shestov: pro et contra, anthology]*. St. Petersburg: RKhGA Publ, pp. 175–232.

Khainadi, Z. (2009) “Iskusstvo i metafizika smerti. Lev Tolstoi i Martin Khaidegger: filofsfsko-poeticheskii opyt sravnitel'nogo izucheniya” [“Art and the Metaphysics of Death. Leo Tolstoy and Martin Heidegger: A philosophical-poetic experience of comparative study”], *Voprosy literatury [Problems of Literature]*, 5, pp. 304–332.

Kierkegaard, S. (2014) *Ili-ili. Fragment iz zhizni [Either/Or. A Life Fragment]*. Transl. by N. V. Isaeva, S. A. Isaev. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

Kierkegaard, S. (2010) *Strakh i trepet [Fear and Trembling]*. Transl. by N. V. Isaeva, S. A. Isaev. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

Korostelev, O. A. (2019) ““On mog by stat' podlinnym ukrasheniem nashei kritiki’: Georgii Adamovich o L've Shestove” [“He could have been a real ornament to our

criticism’: Georgy Adamovich on Lev Shestov”], in Polonsky, V. V. (ed.) *The “complex integrity” of literature. Research and publications. To the anniversary of V. A. Keldysh*. Moscow.: IMLI RAN Publ. [Published by the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences].

Le Blanc, Ch. (2018) *Kierkegaard*. Trans. by V. M. Lipka. Moscow: Ripol Klassik.

Rozanov, V. V. (1996) *Sobranie sochinenii. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Lit. ocherki. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected Works. The Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky. Literary essays. About writing and writers]. Moscow: Respublika.

Shestov, L. I. (1996) Apofeoz bespochvennosti [Apotheosis of Groundlessness], in Shestov, L. I. *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Collected Works: 2 vols. Vol. 2]. Tomsk: “Vodolei” Publ., pp. 3–178.

Shestov, L. I. (1903) *Dostoevskii i Nitsshe (filosofiya tragedii)* [The Philosophy of Tragedy, Dostoevsky and Nietzsche]. St. Petersburg: M. M. Stasiulewicz's printing house.

Shestov, L. I. (1993) *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2: Na vesakh Iova* [Collected Works: 2 vols. Vol. 2: In Job's Balances]. Moscow: “Nauka” Publ.

Shestov, L. I. (1966) *Sola fide — tol'ko veroyu. Grecheskaya i srednevekovaya filozofiya* [Sola fide — justification by faith alone. Greek and medieval philosophy]. Paris: YMCA-Press.

Shestov, L. I. (1923) *Vlast' klyuchei* [The power of the key]. Berlin: Skify Publ.

Tolstoy, L. N. (1957) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 23: Proizvedeniya 1879–1884* [Collected Works: 90 vols. Vol. 23: Literary works 1879–1884]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Tolstoy, L. N. (1936) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 26: Proizvedeniya 1885–1889* [Collected Works: 90 vols. Vol. 26: Literary works 1885–1889]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Tolstoy, L. N. (1957) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 45: Put' zhizni* [Collected Works: 90 vols. Vol. 45: Path of Life]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Tsvetaeva, M. I. (1994) *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh. Tom 2: Stikhotvoreniya. Perevody* [Collected Works: 7 vols. Vol. 2: Poems. Translations]. Moscow: Ellis Lak.

Yerofeyev, V. (1975) “‘Ostaetsya odno: proizvol’ (Filosofiya odinochestva i literaturno-esteticheskoe kredo L'va Shestova)” [“‘That leaves one thing: arbitrariness’. Lev Shestov’s philosophy of loneliness and literary and aesthetic credo”], *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 10, pp. 153–188.

Информация об авторе: Екатерина Андреевна Гуреева — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

Information about the author: Ekaterina A. Gureeva — Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023;
принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 22.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023;
accepted for publication 10.06.2023.